ОСМЫСЛЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАЧАЛА В ЧЕЛОВЕКЕ РУССКИМИ РЕЛИГИОЗНЫМИ ФИЛОСОФАМИ НАЧАЛА XX ВЕКА

УДК 124.5

А.Н. ЛУКИН

Человеческая сущность во многом проявляется в творческой деятельности. Посредством творческого акта, индивид преодолевает ограниченность наличествующего бытия. Креативность – атрибутивное свойство человека. Неслучайно это качество становится предметом философской рефлексии. Русские религиозные философы первой половины XX века значительное место отводят исследованию творческого начала в человеке. Это одна из специфических особенностей новой антропологии, разработанной русскими мыслителями. Концепция человека философов Серебряного века существенно отличается от понимания антропологии как в «святоотеческом» христианстве, так и в секуляризованной западноевропейской гуманистической традиции.

Ортодоксальное христианство, по мнению русских религиозных философов, слишком принизило все природное в индивиде. Н. Бердяев прямо заявляет: «Традиционное христианское учение о человеке не раскрыло творческой природы человека, оно было подавлено сознанием греха» [1, с. 427]. Христианская антропология учит о том, что человек может приблизиться к Богу, только преодолевая в себе все человеческое. В то же время в ней сохраняется бесконечная дистанция между человеком и Богом. Прослеживается идея бессилия и беспомощности человека. Вопрос о положительном творческом призвании человека не поднимался святыми отцами церкви. Человеку ставится задача смирения, преодоления в себе мирского, чувственного, телесного начала. Предназначение человека отыскивается в постижении вечного путем отрешения от всего тленного, суетного. Христианская антропология предполагает интенцию сознания на уход от мира, а не на его творческое преобразование.

Неклассическая философия и опирающаяся на нее антропология, в противовес метафизике, исходят из того, что творческий порыв – это акт неповиновения по отношению к традиции, это всегда дерзкий выход за пределы дозволенного, это расширение горизонта возможностей человека. Поэтому требуется «переоценка всех ценностей» (Ф. Ницше), чтобы стимулировать творческую активность личности. Когда нет канона, сброшены путы последних ограничений, даже нравственных, человек приобретает абсолютную свободу и может творить все, что ему угодно и как угодно. При этом, на мой взгляд, не учитывается предостережение диалектиков о том, что все имеет свою меру, при преодолении которой возникает совершенно другое качество. Ничем не ограниченная свобода вырождается в анархию, а полная безответственность творца может способствовать появлению таких творений, которые будут нести прямую угрозу человеку. Очевидно, что творческий акт – это не только выход за пределы традиции, канона, нормы – это еще и момент преемственности, не полное уничтожение старого содержания, а его приращение.

Я уверен, что даже самое авангардное произведение искусства, чтобы иметь успех, должно быть наполнено значимым содержанием посредством интерпретации. Процесс толкования, внесения смысла становится продолжением и даже необходимым этапом творческого акта. Интерпретация произведения искусства, по мнению постмодернистов, компенсирует поспешность ухода от традиции. «Раскрученность» автора при этом может заменить ему талант. При этом зрителю, читателю и слушателю вместо глубины восприятия произведения искусства приходится довольствоваться осознанием того, что он приобщился к чему-то модному, новому, эксклюзивному, пусть даже и поверхностному. Постмодернисты, на мой взгляд, доводят эту идею до абсурда, предлагая каждому лично осуществить «деконструкцию» (Деррида) всякого «текста» культуры, а затем самому же компенсировать содеянное актом интерпретации. Но интерпретацию может осуществить только личность, освоившая какие-то культурные каноны. Интерпретация – это либо сознательное следование одной из традиций, либо, по крайней мере, использование отдельных элементов прошлого опыта. Преодоление традиции без самой традиции невозможно.

Секуляризованная гуманистическая антропология, по мнению русских религиозных философов, испытывает непреодолимые трудности в постижении сущности и предназначения человека. Само ее появление может быть оценено как результат осознания ограниченности христианского видения человека. Новый проект человека призван освободить дремлющие в нем силы. При этом гуманизм впадает в другую крайность. Как отмечает Н. Бердяев, «гуманизм утверждает антропоцентризм субъективно-психологический, а не объективно-космический» [2, с. 80]. Попробуем развить эту мысль Н. Бердяева. Творческие силы человека разбужены, но его поприщем становится зависимый природный мир, который и личность, соответственно, делает зависимой. Цели такого творца ограничены наличием лишь преходящих, субъективных ценностей. Гуманизм познает человека как природный объект и не знает человека как сверхприродного субъекта. Если нет другого мира, то только в этом конечном мире нужно искать свое предназначение и счастье. При этом невозможно избавиться от ощущения бессмысленности бытия. Человек сам для себя создает смыслы и ставит цели, но перед осознанием своей конечности ощущает их абсурдность. Теряется нравственное измерение, так как нравственность генетически связана с Абсолютом. Секуляризованный человек ощущает в себе творческие силы, но скатывается к утилитаризму и прагматизму. Его творчество ограничено рамками тленного мира.

Философы русского религиозного Ренессанса были не только хорошо знакомы с Западной неклассической философией, но и считали ее важным звеном в развитии человеческой мысли. Эмпиризм Нового времени рассматривался как важный, но уже изживший себя этап познания, который обогатил новую метафизику интересными идеями, прежде всего пониманием человеческой чувственности и волевой сферы как фундамента творческой активности личности. По Н. Бердяеву, «через гуманизм в муках рождается активность человека, идущая снизу вверх, а не сверху вниз. Правда гуманизма — часть религии богочеловечества, предполагающая веру не только в Бога, но и в человека» [2, с. 83]. В то же время русские мыслители считали, на мой взгляд, небезосновательно, что философия жизни, позитивизм и материализм как тенденции мысли уводят человечество в сторону от философской традиции, так как философию всегда интересовали не эмпирические законы природы, а сверхприродные начала бытия. Более того, западноевропейское сознание постепенно проникалось глубоко антифилософскими настроениями в общественной идеологии и психологии. Наиболее уязвимым местом западного рационализма, по мнению русских мыслителей, была неспособность создать удовлетворяющую запросам общества антропологию. Философы Серебряного века создают такую антропологию на метафизических принципах.

По моему мнению, только бытие человека в срединном континууме, где высоко ценится как духовность, так и телесность, позволяет соединить цели, исходящие от верхнего предела культуры с неограниченной мощью человеческой воли, чувств, эмоций. И эта идея присутствует в русской религиозной философии начала прошлого века. Такая философия чужда аскетизму и устраненности от всего мирского, преходящего. Напротив, это модель обретения себя, постижения своей самости через осознанное преобразование мира, через объективацию своего внутреннего «Я», через «со-творчество» с Богом.

Человек, по мнению русских философов способен продолжить бесконечный процесс божественного творения. А. Мень, следуя традиции отечественной религиозной мысли, говорил: «Все наше земное творчество есть радость, переплетенная с глубокой тоской по совершенству и идеалу. Мы ощущаем в себе огромные возможности, осуществить которые полностью нам не дано. Горизонт и устремления безграничны, а человеческая жизнь коротка, как мгновение» [4, с. 20]. Но истинная цель творчества — не столько достраивание мира, сколько обретение себя, преодоление своей физической ограниченности, земной конечности. Именно поэтому созидательный процесс открыт беспредельному совершенствованию, а каждый мастер, закончив свой труд, испытывает неудовлетворенность, которая побуждает его к новым творческим поискам. По моему мнению, только благодаря наличию верхнего духовного предела культуры возможна перспектива бесконечного развития человеческой личности далеко за границами нынешних рамок ее бытия. Человек призван выйти за границы своего субъективного «Я». Без верхнего духовного предела культуры, каковым русским мыслителям виделся Абсолют, трансцендирование осуществить невозможно. Только в перспективе бесконечного развития

человеческой личности, далеко за пределами нынешних условий ее бытия, обретает она подлинный простор. Только тогда разум, совесть, свобода, творчество приводят человека к вершинам развития. Иными словами, вопрос о возможностях человека и смысле творчества связан с проблемой бессмертия человеческой души.

Предвосхищая К. Ясперса, русские мыслители делили творчество на две составляющие – поиск вдохновения при интенции сознания на трансцендентное и объективацию обретенного смысла в окружающем предметном мире. На первом этапе человек должен «внимать – «созерцать» и «вслушиваться» [3, с. 322]. В этом состоянии творец находится до тех пор, пока Логос не пожелает «говорить» через него, не раскроет перед ним «очевидность». Только после этого начинаются муки творчества второго рода – донести до окружающих то, что раскрылось личности через откровение. При этом предметные результаты творческого акта – достояние не только личности, но и всего человеческого рода, а также космического порядка в целом. Это закономерный и необходимый этап продолжения творения мира.

Мне представляется очевидным, что сам акт творения и его объективация не могут быть поняты и адекватно оценены без ориентации на пределы культуры. Созданный смысл открывается только тем субъектам, которые находятся в том же культурном пространстве, что и творец. Параметры этого хронотопа культуры заданы иерархией базовых духовных ценностей. Человек как представитель рода является необходимым помощником Абсолюта. Результаты «со-творчества» с Богом должны быть использованы теми, кто пойдет дальше по этому бесконечному пути созидания.

Отметим, что механизм проявления творчества непосредственным образом связан с деятельностью духа вне себя. Сначала интенция сознания субъекта на предмет творчества притягивает к себе идеальный образ, который является человеку посредством интуитивного озарения, потом она организует активность субъекта, благодаря которой появляются методы, средства и все остальное, необходимое для творческого акта. Наконец, благодаря интенции сознания субъекта осуществляется переход от старой несовершенной формы к более совершенной. Творческое начало есть лишь возможность проявления духа конкретным образом в том или ином виде.

На мой взгляд, в русской религиозной философии начала прошлого века можно выделить четыре самостоятельных, но при этом неразрывно связанных между собой аспекта творчества отдельного индивида: по отношению к самому себе, к человеческому роду, к природному миру и, наконец, к Богу.

Во-первых, личность достраивает в себе то, что Бог преднамеренно оставил в человеке незавершенным в форме потенциальной возможности. Тем самым обретается смысл индивидуального бытия, суть которого в «со-творчестве» с Логосом. Человек как «подобие Бога» тоже имеет творческое начало, только в относительной степени, без абсолютной способности, потому что «образ и подобие» не равны своему великому Прототипу. Но если образ Бога навсегда запечатлен при сотворении духа человека с присущими ему качествами, в том числе и неотъемлемым от него творческим началом, то подобия Бога человеку предстоит достичь именно посредством творчества. Конечно, добиться полного тождества Человека и Бога невозможно, но задача состоит в том, чтобы как можно ближе приблизиться к идеалу.

Во-вторых, индивидуальное творчество – это еще и совместная с Богом деятельность по совершенствованию человеческого рода. Исходя из этой установки, большинство русских религиозных философов предложили свои утопичные проекты совершенствования общества.

В-третьих, человек участвует в творении космоса по проекту Логоса и при его участии. В этом месте философы Серебряного века предугадали возможные трагические последствия бездуховного освоения природы. Сделано было это задолго до осмысления человечеством его нынешних глобальных проблем. Источником отчуждения Природы становится утилитарно-потребительское отношение к ней, не соответствующее божественным идеалам добра, гармонии, совершенства. Видя в Природе объект творческого порыва при размытом верхнем пределе культуры, человек начинает разрушать среду своего обитания.

В-четвертых, Бог нуждается в помощнике, каковым может стать только человек, как образ и подобие Бога. В этом качестве человек превосходит статичную ангельскую природу, так как функция ангелов – охранять, а не достраивать мир. Только Бог и человек обладают творческим началом и творческими способностями.

С. Франк высказал идею о том, что с помощью творчества человек преодолевает свою изолированность от мира. Он разделил мир на «объективную действительность» (внешний предметный мир) и «реальность». Согласно «Толковому словарю русского языка», понятие «реальность» имеет несколько значений. Во-первых, «это действительно существующее, не воображаемое», в другом значении – это «осуществимое, отвечающее действительности» [5, с. 671]. Именно ко второму смыслу этого термина апеллирует С. Франк. Принципиально то, что внутренняя «реальность» осуществима во внешнем мире через трансцендирование. «Реальность» – это прежде всего внутренний духовный мир человека. Это и есть некая метапрограмма его бытия. Вместе с тем «реальность», по С. Франку, не замкнута в себе, не обособлена для каждого человека как сфера внутренней жизни. Человек в акте самопознания и творческого порыва посредством трансцендирования преодолевает свою субъективность, конечность. Духовная жизнь человека в главной своей части черпается из глубины «реальности». «Я», по С. Франку, оказывается лишь ее носителем, своеобразным фокусом, концентрирующим и преломляющим лучи, бросаемые в сферу природного бытия «глубинной богочеловеческой реальностью моей души».

На мой взгляд, русская метафизика первой половины прошлого века в значительной мере стала результатом самопознания ее создателей. Русские философы исследовали глубинные основания своего творческого вдохновения и объективировали свои выводы в философских текстах. Можно согласиться с замечаниями критиков этой метафизики в той части, что проект нового человека в русской религиозной философии оказался утопичен, так как остался непонятным и неизвестным для широких масс. Но заканчивать выводы на этом нельзя. Большинство философских текстов предназначено не для обывателя, а для тех, кто занят своим самоопределением, духовным поиском. Именно для таких личностей, а не для широких масс, может стать полезным метод обретения личного смысла жизни и творческого вдохновения через самопрограммирование, через создание своей внутренней «реальности» и последующее трансцендирование. В таком аспекте антропология С. Франка и С. Булгакова, Н. Бердяева и П. Флоренского, И. Ильина и др. русских мыслителей вовсе не является утопией. Напротив, оставленное русскими мыслителями творческое наследие убедительно подтверждает высокий потенциал предложенного ими и реализованного в своей собственной жизни метода конструирования субъекта творческой деятельности.

1. Бердяев Н. Диалектика божественного и человеческого [Текст] / Н. Бердяев – М. : АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – 620 с.
2. Бердяев Н. Смысл творчества: опыт оправдания человека [Текст] / Н. Бердяев – М. : ООО «Издательство АСТ»; Харьков : Фолио, 2004. – 678 с.
3. Ильин И. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – М.: Республика, 1993. – 431 с.
4. Мень А. История религии. В 2 томах. Т. I. [Текст] / А. Мень – М. : ФОРУМ – ИНФРА-М., 2000.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.